

дисловием. Это и Эмиль Верхарн (1855–1898), чей первый сборник назывался «Фламандки» (1883); и Жорж Роденбах (1855–1898), автор знаменитого романа «Мертвый Брюгге» (1892).

Писатели, стоявшие у истоков Фламандского движения («фламминганы»), избрали в основном второй путь и охотно вступали во взаимодействие с северными собратьями. Важной вехой стал Языковой конгресс 1841 г., на котором они решили следовать тем же орфографическим правилам, что и «северяне». Хотя к партикуляристам, не желавшим идти на сближение с кальвинистами-оранжистами, принадлежал такой крупный поэт, как Гидо Гезелле (ему посвящена отдельная глава), они были в несомненном меньшинстве. В Языковом конгрессе 1841 г. участвовали, среди прочих, крупнейший фламандский прозаик, которого называют «человеком, научившим свой народ читать» («de man die zijn volk leerde lezen»), Хендрик Консянс (см. главу далее) и поэт **Карел Лодевейк Ледеганк** (K. L. Ledegans, 1805–1847). Его перу принадлежит поэма «Три города-брата» («De drie zustersteden», 1846), воспевающая старинные фламандские города Гент, Брюгге и Антверпен, которую называют «евангелием Фламандского движения».

К следующему поколению фламмингатов принадлежал рано умерший от чахотки поэт **Альбрехт Роденбах** (Albrecht Rodenbach, 1856–1880). Строка из его «Песни сынов Фландрии» («'Het lied der Vlaamse zonen», 1875), вызывающая ассоциации с «Песней о буре вестнике» Максима Горького, стала боевым кличем Фламандского движения: «Vliegt de Blaauwvoet? Stopt op zee!» — «Летает буре вестник? Шторм на море!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Какие черты романтизма в личности и творчестве Билдердейка вы можете назвать?
2. Почему журнал «De Gids» получил прозвище «синий палач»?
3. Попробуйте перевести в рифму эпиграммы Старинга.
4. Согласны ли вы с тезисом, что полноценная юмористическая литература возникает лишь в эпоху романтизма?
5. Что изменяется в колониальной политике Нидерландов после наполеоновских войн?
6. Что такое Фламандское движение? Чем отличается его второй этап от первого?

ГЛАВА 12

НИКОЛАС БЕЙТС (ХИЛДЕБРАНД) NICOLAAS BEETS (HILDEBRAND)

(1814–1903)

Николас Бейтс, писатель и пастор, опубликовавший свою самую знаменитую книгу «Камера-обскура» в 1839 г. под псевдонимом Хилдебранд, в Нидерландах до сих пор остается одним из любимых писателей-юмористов. В списке самых значительных произведений нидерландской литературы за всю ее историю, составленном на основе широкого голосования в 2002 г., «Камера» занимает шестое место. Бейтс часто сравнивают с его ровесником Чарльзом Диккенсом (1812–1870). Обаяние «Камеры-обскуры» заключено не только в изящном юморе, не только в богатстве языка или на редкость естественной тональности, но и в обстоятельных, исполненных любви и тепла описаниях неторопливого быта и добродушных нравов обитателей голландских провинциальных городов в эпоху Бидермейера. Харри Мулиш (см. главу во II томе) писал в 1970 г. о том, как несколько его знакомых объединились в клуб поклонников Бейтса, учили наизусть целые страницы из «Камеры-обскуры» и соревновались, кто лучше помнит подробности.¹

Николас Бейтс родился в Харлеме в семье аптекаря. С 1833 по 1839 г. учился на теологическом факультете Лейденского университета (тогда называвшегося Академией). В университете был членом студенческого литературного клуба, увлекался европейским романтизмом. Он боготворил Байрона и сам написал три романтические поэмы о пылких и страстных героях, которые не могут найти счастья в этой жизни, борются, страдают и умирают непонятыми. Все три поэмы названы по именам этих героев:

¹ См. J. Brouwers. *Zachtjes knetteren de letteren*. 1975.

«Хосе» («José», 1834), «Кусер» («Kuser», 1835) и «Ги Фламан-дец» («Gui de Vlaming», 1837). Впрочем, этот «черный период», как называл его сам писатель, был недолгим: «Камера-обскура», в которой от байронизма не осталось и тени, вышла уже через два года после «Ги Фламандца».

Лейденский литературный клуб, объединявший студентов разных факультетов, стал питательной средой для многих литераторов того времени. Среди товарищей Бейтса был, в частности, юрист Йоханнес Кнеппелхут (Johannes Kneppelhout, 1814–1885), писавший под псевдонимом Ябеда (Kikraan), автор знаменитых очерков «Типы студентов» («Studententypen»), выходявших отдельными книжечками с 1839 по 1841 г.

По окончании университета в 1840 г. Бейтс стал пастором в городке Хемстеде и в том же году женился на Алейде де Форест, сестре его университетского товарища и внучке лейденского профессора, которого Бейтс столь высоко чтил, что после его смерти написал его биографию (1842). В 1854 г. писатель был переведен на службу в Утрехт. В 1856 г., вскоре после рождения девятого ребенка, умерла Алейда, а через год и их старший сын. В 1858 г. Бейтс женился на младшей сестре Алейды Якобе Элизабет, родившей ему еще шестерых детей.

Как пастор Николас Бейтс пользовался любовью прихожан и славился своим красноречием. Многие его проповеди позднее печатались в виде сборников. Пасторскую деятельность Бейтс совмещал с научной и педагогической, список его теологических сочинений включает несколько десятков названий. С 1874 по 1884 г. он был профессором Утрехтского университета по кафедре истории религии.

Литературного поприща Н. Бейтс не оставлял до конца своих дней. Он писал поэмы и стихи о Боге, о природе и о людях, ино-

Николас Бейтс.
Фотография XIX в.

гда в философском ключе — как стихотворение «Шум по вершинам тутовых деревьев» («De moerbeitorepen guischtel») из сборника «Сосновые иголки» («Dennepaalden», стихотворения 1892–1900 гг.), иногда просто правоучительные — в частности, сборники «Васильки» («Kogenbloemen», 1853), «Ромашки» («Madelieven», 1869) и «Осенние листья» («Najaagsbladen», 1881). Даже такой строгий литературный критик, как редактор журнала «De Gids» К. Бюскен Хюэт, ставил его поэзию весьма высоко.

Но когда в 1880-е годы группа поэтов-новаторов Виллем Клос, Алберт Вервей, Фредерик ван Эден и др. (известные как «восьмидесятники») задумали произвести переворот в литературе, их мишенью оказался и Николас Бейтс. Молодые поэты, выдвигавшие тезисы служения красоте и искусства ради искусства, не принимали в его стихах их назидательность и нравоучительность. В сборнике «Травинки» («Grassgrietjes»), содержащем пародии на «поэтов-пасторов» (dominee-dichters), Фредерик ван Эден, скрывавшийся под псевдонимом Корнелис Парадейс (Cornelis Paradijs, т. е. «Райский») — игра с его настоящей фамилией, дословно oznaчающей «Эдемский»), не обошел молчанием и Бейтса:

Maar van allen toch de baas	Но самый главный из всех
Is de groote Nicolaas; —	Это великий Николас.
Wat heeft hij niet saamgedicht!	Каких стихов он только не понаписал!
Hoeveel harten niet gesticht	Сколько сердец поставил на путь истинный!
Goethe met Homerus samen	Гёте и Гомер, вместе взятые,
Kunnen nooit zijn roem beschamen:	не затмят его славы:
Want hij heeft wat hun ontbrak:	ибо у него есть то, чего не было у них:
Echte vroomheid... door zijn vak.	Истинное благочестие... благодаря его профессии.

Бейтс занимался и переводами, и составлением биографий, и литературоведением: в частности, он подготовил издания стихов поэта-романтика А. К. В. Старинга (A. C. W. Staring, 1767–1840) и поэтессы XVII в. Анны Румер Фиссер (A. Roemer Visscher).

Бейтс был заметным общественным деятелем и много внимания уделял народному просвещению. В Хемстеде по его инициативе была открыта школа, которая до сих пор существует и носит его имя (Nicolaas Beetschool). В книге «Что я помню» Анни М. Г. Шмидт («Wat ik nog weet», 1996) рассказывает о том, как Бейтс посетил школу, в которой училась ее мать, и присутствовал на уроке.

Во время урока он сидел с ней за одной партой, и, по словам дочери, мать потом всю жизнь очень этим гордилась.

В 1884 г. вся страна праздновала семидесятилетие Николаса Бейтса как событие общенационального значения. Он прожил еще почти двадцать лет и умер в возрасте 88 лет в Утрехте, окруженный почетом и уважением.

К книге «Камера-обскура» Бейтс («Хилдебранд») обращался вновь и вновь на протяжении почти всей жизни, добавляя новые очерки, внося поправки в старые, изменяя орфографию. Это вполне позволяла свободная композиция книги, представляющей собой сборник очерков, объединенных главным героем-рассказчиком — студентом Лейденского университета по имени Хилдебранд (почему автор выбрал именно это имя, неизвестно) — и взглядом на окружающий мир: словно всматриваясь через камеру-обскуру. Камера-обскура (*лат.* camera obscura — «темная комната») — это прототип фотоаппарата: простейшее устройство, позволяющее получать оптическое изображение предметов. Оно представляет собой светонепроницаемый ящик с отверстием в одной из стенок и экраном (матовым стеклом или тонкой белой бумагой) на противоположной стенке. Лучи света, проходя сквозь отверстие диаметром приблизительно 0,5–5 мм, создают на экране перевернутое изображение, которое затем можно обвести карандашом. Когда в 20-е годы XIX в. бумагу заменили светочувствительной пластиной, был создан первый фотоаппарат.

Вот как объясняет название своей книги автор во введении к «Камере»:

«Тени и призраки Размышлений, Воспоминаний и Воображения падают в душу, как в Камеру-обскуру, и некоторые из них столь приятны и ярки, что возникает желание обвести их и, немного поработав, раскрасить, сгруппировать, составить из них живописные полотна, которые в свою очередь можно послать на Большую Выставку, где они удовлетворятся и скромным уголком. Однако не ищите здесь портретного сходства, ибо автор добрую сотню раз представлял нос Воспоминаний к лицу Воображения, а тому, что из этого вышло, придал столь общее выражение, что получившаяся физиономия похожа сразу на пятьдесят разных людей».

Большинство рассказов и очерков «Камеры-обскуры» строится приблизительно по одной схеме: лейденский студент Хилдебранд

попадает в круг новых людей, как правило вполне состоятельных, но с узким кругозором, чаще всего живущих в провинции. Бейтс умеет несколькими штрихами так ярко нарисовать портреты этих людей, что они сразу встают перед глазами читателя. Хилдебранд выникает в проблемы своих новых знакомых и старается помочь, при этом с доброй, слегка снисходительной улыбкой присматривается к их нравам. В некоторых рассказах он остается лишь сторонним наблюдателем. Написанные Бейтсом изящные жанровые картинки напоминают полотна художников XVII века — Вермера, Яна Стейна, Герарда Доу.

Первое издание «Камеры-обскуры» 1839 г. включало три очерка: «Неприятный человек в Харлемском лесу» («Een onaangepaast mensch in den Haagtemerhout»), «Семейство Стасток» («De familie Stastok») и «Старинный знакомый» («Een oude kennis»). Наиболее популярностью пользуется второй из них, где Хилдебранд рассказывает о каникулах, проведенных в доме у провинциальных родственников. Фамилия *Stastok* — говорящая, обе ее части намекают на неподвижность, закоснелость этих людей: *sta*, от *staan*, значит «стоять», *stok* — палка. Фабрика, принадлежащая Стастокам, уже давно не работает, в доме на чердаке мертвым грузом лежит никому не нужная продукция: сотни метров тесьмы и ленты. Основное занятие отца семейства — сидеть у окна и выпивать по рюмочке всякий раз, когда проходит дилижанс. Юный кузен Хилдебранда Петер, студент Утрехтского университета, куда более провинциального, чем Лейденский, так робок и стеснителен, что постоянно попадает в нелепые положения. Заметив, что Питер Стасток влюблен в юную Коосье ван Наслаан, Хилдебранд приглашает компанию молодых людей покататься на лодке, но приводит это лишь к тому, что Питер падает в воду. На ферме, к которой причаливают отдыхающие, чтобы привести в порядок Питера, его переодевают в сухое женское платье, что служит новым поводом для смущения Питера и веселья остальных, включая и Коосье. Зато Хилдебранду удается восстановить справедлив-

«Камера-обскура».
Издание XIX в.

вость в отношении старичка Кеесе, который вырос сиротой и теперь живет в доме призрения бедных. Благодаря вмешательству Хилдебранда несчастному возвращают отобранные у него скромные накопления, на которые он мечтает быть похороненным в настоящем гробу.

Сразу после выхода в свет в издательстве свойственника Бейтса, харлемского книгоиздателя Бона, «Камера» снискала читательский успех. Однако реакция авторитетных литературно-критических журналов была неоднозначна. Анонимный автор рецензии 1840 г., а также Э. Потхитер, редактор журнала “De Gids”, в статье 1841 г. признавали талант автора, но считали, что он использует его не по назначению. Потхитер назвал свою статью «Страсть к копированию повседневности» (“Kopieëgzucht des dagelijkschen levens”), по его мнению, литература должна не изображать то, что и так все видят, но показывать читателям идеал, к которому надо стремиться, и тем самым содействовать прогрессу.

В 1851 г. «Камера» была переиздана в расширенном составе: автор добавил рассказы «Семейство Кеххе» (“De familie Kegge”) и «Херрит Витсен» (“Gerrit Witsen”), а в издания 1854 и 1871 г. включил еще несколько опусов, ранее опубликованных в других сборниках. В «Семействе Кеххе» студент Хилдебранд навещает родственников своего недавно умершего товарища по университету, чтобы вместе с ними почтить его память. Семья, сказочно разбогатев в Вест-Индии, недавно вернулась в метрополию. Несмотря на печальный повод для знакомства, Хилдебранд с улыбкой наблюдает за этими нуворишами, стремящимися затмить своим богатством старую аристократию, или, как говорит отец семейства, “de adellijke heren en grote hansen” («этих благородных господ-гусаков»). Хилдебранд обнаруживает еще множество «погрешек» в этом шикарном доме и помогает родным своего покойного товарища справиться с жизненными сложностями. Так, он спасает от опасности юную юффрау Кеххе, влюбленную в жулика Ван дер Хохена, которого на самом деле интересует только ее приданое.

Десятое издание «Камеры-обскуры», в очередной авторской редакции, увидело свет в 1878 г, двадцатое — в 1900-м, тридцатое первое, снабженное комментариями и предназначенное для средних школ, в 1919 г., сороковое — в год столетия со времени написания, в 1939 г. Последнее издание, по нашим подсчетам —

семьдесят девятое (включая южноафриканские издания), вышло в 2008 г., в переложении на современный язык Иво де Вейса (Ivo de Wijs). Многие издания были украшены иллюстрациями известных художников. На протяжении полутора веков книга оставалась и остается любимым чтением юных голландцев.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (I):

1. Что было важнее для Н. Бейтса: его литературная или пасторская деятельность?
2. Что значит термин «бидермайер» (или «бидермайер»)? Как соотносится этот стиль с романтизмом? Видите ли вы черты бидермайера у Бейтса?
3. Найдите в интернете фотографии памятника Хилдебранду в Харлемском лесу.
4. Посмотрите в интернете иллюстрации Ф. Карла Сирига (F. Carl Sierig) к десятому изданию «Камеры-обскуры». В каком стиле они выполнены?
5. Почему восьмидесятники включили Бейтса в число авторов, которых они хотели «бросить с Парохода современности»?

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ:

Из книги **Камера-обскура** (1839)

СТАРИННЫЙ ЗНАКОМЫЙ / EEN OUDE KENNIS

КАК БЫЛО ЖАРКО И КАК ДАЛЕКО ИДТИ

Была пятница, день клонился к вечеру, но солнце в голландском городке N палило столь нещадно, что *воробьев на крышах разбирала зевота*, — а оборот этот в голландском языке, как известно, означает, что стояла самая ужасная жара, какую только можно себе представить. Солнце заливало улицы жаром и искрилось на пыльных от сухости булыжниках. На улицах, протянувшихся с севера на юг и потому лишенных тени, оно приводило прохожих в полное отчаяние. Торговцы, разносившие на своих лотках сливы и груши, то и дело вытирали лоб белыми передниками, грузчики, в нормальную погоду имеющие обыкновение виснуть на перилах моста, чтобы в этом состоянии гидростатического равновесия ослабить конечности, теперь лежали на берегу реки, вытянувшись во весь рост и подперев кулаком голову, с кувшином пахты вместо можжевельной водки; каменщики на стройке сидели под лесами на бревне, опершись локтями о колени и, обхватив двумя руками гигантские кружки, дуя на чай с той же обстоятельностью, что и

обычно, то есть чрезвычайно неспешно; служанки, возвращавшиеся с покупками домой, с трудом тащили за собой детей, увязавшихся за ними в надежде, что бакалейщик угостит их черносливом или инжиром, и с глубоким и искренним сочувствием смотрели на других служанок в чепцах с развязанными лентами, с красными от немилосердного солнца лицами мывших перед домом тротуары.

<...>

В подобных погодных обстоятельствах сострадания, которое мы обыкновенно испытываем к толстякам, явно недостаточно. Это правда, что от одного их вида нам порой становится жарко и душно, когда мы сами, стараясь поменьше двигаться и суетиться, более или менее приспособливаемся к жару, а они подходят к нам пыхтя и отдуваясь, обуреваемые желанием развязать галстук, и глядят на нас выпученными глазами, — но этим несчастным и впрямь очень тяжело. Дорогие толстяки и толстухи всего Земного шара! Независимо от того, удавалось ли вам в последние годы созерцать свои колени и пальцы ног, или вы давно уже отказались от этой существенной составляющей самосозерцания! Может быть, кто-то где-то на белом свете и смеется над вашей тучностью, корпулентностью, етbоpпoиnт, — но знайте, что в груди Хилдебранда бьется сердце, преисполненное всяческого к вам сочувствия.

Среди дородных людей нашего времени одно из почетных мест, хоть и не первое, занимал г-н Хендрик Йоханнес Брёйс, юрист, обладавший, подобно другим собратьям по несчастью, той привилегией, что кого бы он ни встретил из старых знакомых, их первой фразой обычно было «Как ты поправился!»

И вот г-н Хендрик Йоханнес Брёйс, юрист, шел в вышеописанный знойный день — в пятницу, около пяти часов вечера, по одной из улиц города, которого я не называю, и шел он, вопреки послеполуденному зною и солидности своей фигуры, весьма быстро.

[За г-ном Брёйсом шел мальчишка, несший его пальто и саквояж. Г-ну Брёйсу не терпелось поскорее дойти до дома, где жил его товарищ по Лейденскому университету, д-р медицины Даниэл Делю.]

Тучный мужчина стоял у дверей дома д-ра Делю, своего друга по Академии, которого он ни разу не видел после женитьбы, ибо г-н Брёйс жил в городке в провинции Оверэйссел, где был дипломированным юристом, но не адвокатом; супругом, но не отцом; а также членом городского совета и коммерсантом. Он направлялся по делам в Роттердам и сделал большой крюк, чтобы повидать в этот знойный день своего друга Делю, его жену и детей. Так что

он немедленно позвонил в дверь, после чего забрал у мальчишки саквояж и пальто.

— Вот тебе за твои услуги, а теперь беги!

[Получив монетку, мальчишка радостно убежал прочь, а г-н Брёйс так и остался стоять перед дверью, поскольку никто ему не открыл.]

Между тем г-ну Брёйсу стало совсем жарко, чему немало способствовали нетерпение и пальто на руке. Он позвонил в четвертый раз, причем так громко, что соседке, уже давно наблюдавшей за ним в уличном зеркальце, *стало не по себе*, так что, выгавкав булавки, которыми ее вышиванка было приколото на колених к юбке (таких новомодных изобретений, как пяльцы, винтики и грузики, она не признавала), она открыла верхнюю часть входной двери и сообщила г-ну Брёйсу, «что в доме никого нет».

— И доктора тоже?

— Да, менейр, и его тоже.

— И его супруги?

— Конечно, менейр, я же говорю вам, что все ушли.

— А где они тогда?

— Мне это неизвестно, менейр! Все-все ушли, дома только служанка.

— Почему же она не открывает?

— Наверное, погому, менейр, что она не в доме.

— Так вы же сказали, что она дома?

— Да, но это вовсе не значит, что она в доме, — сказала соседка и поспешно захлопнула верхнюю часть двери, так как ее белая кошка вознамерилась перескочить через нижнюю часть на улицу. Г-н Брёйс остался наедине с самим собой, и если бы захотел, то мог бы поразмыслить о различии между понятиями «дома» и «в доме». При наличии терпения, он понял бы, что «быть дома» — это то, что поручила служанке г-жа Делю, а «быть в доме» представляло собой, с точки зрения самой служанки, лишь наименее важную часть поручения.

[Другие соседи помогают г-ну Брёйсу найти служанку Хритье, которая, как выясняется, задержалась у соседки, и Хритье сообщает, что семейство г-на Делю находится в своем загородном имени Велдзихт, аллея Мейстера Йориса. Она обьясняет ему дорогу, и г-н Брёйс, неверно повторив название аллеи, немедленно отправляется в путь.]

Лишь миновав несколько домов, г-н Брёйс обнаружил, что все еще несет саквояж и пальто. Он вернулся, опять позвонил в звонок, чтобы оставить свои вещи служанке, но Хритье, по-видимому,

уже успела уйти обратно к соседке, так что г-ну Брёйсу ничего не оставалось кроме как снова двинуться в путь с саквояжем и палкой, и с твердым намерением пожаловаться Делю на его служанку, если, конечно, ему удастся разыскать своего старого друга.

К счастью для г-на Брёйса город, которого я не называю, был небольшим, довольно скоро показались городские ворота, которые ему следовало миновать, но вот подъем на два чрезвычайнo горбатых моста, а потом и спуск с них потребовали от него немалых усилий. Возле ворот он сообразил, что саквояж и палку можно было бы поручить заботам сборщика пошлыни, заглянул в будку, но никого в ней не обнаружил, однако, заметив на другой стороне обводного канала занятую рыбной лодкой фигуру в сером, в которой определенно было что-то от сборщика пошлыни, г-н Брёйс поставил свои вещи и обратился к рыбаку, и вправду оказавшемуся сборщиком, с просьбой объяснить ему местоположение аллеи Мейстера Мориса. Я был бы несправедлив к моему герою, если сказал бы, что г-н Брёйс забыл объяснения Христе: от гнева он их просто не слушал. Теперь же сборщик объяснил ему, что надо «сначала пройти вдоль канала, затем свернуть в аллею, далее снова направо, до белого столбика, потом опять налево, а потом направо, это и будет аллея Мейстера Йориса».

Г-н Брёйс, отдуваясь и держа в одной руке шляпу, в другой носовой платок и бамбуковую трость с набалдашником, слезает указанным маршрутом, несколько раз сбивается с пути, но раз за разом возвращается к одной и той же куче мусора, но в конце концов находит искомого ограду и нужный вход...

КАК БЫЛО ПРИЯТНО

— Яньше! К нам стучат! — раздался женский голос.

— Да-да, юффрау, слышу! — ответила Яньше.

Впрочем, скорее всего Яньше ничего не слышала, ей было не до того — садовник поливал ее водой.

Во время недавнего отдыха возле кучи мусора г-н Брёйс работал трогательный план: он делает своему другу сюрприз. Как только Яньше открыла ему и подтвердила, что это действительно Велдхит и сад действительно принадлежит д-ру Делю, <...> он сказал:

— Чудесно! Покажите же мне дорогу в дом, я — старинный друг доктора и хочу сделать ему сюрприз своим появлением.

— Может быть, я все-таки предупрежу, что к нему пришли!

— Ни в коем случае, милочка, просто покажите мне дорогу, ладно?

Сад представлял собой длинный узкий участок земли вдоль того же канала, на берегу которого г-н Брёйс несколькими минутами раньше переводил дух, кругом все было в зелени, а узенькие дорожки по обеим сторонам окаймляли кустики земляники. Вошедшему казалось невероятным, что на таком клочке земли удалось разместить столько яблонь и груш, столько кустов смородины и крыжовника.

<...>

— Жарковато сегодня, правда, мене́йр? — сказала Яньше, сжалившись после нескольких шагов над тучным господином, пытевшись и отдувавшимся у нее за спиной.

— Да, милочка, ужас, ужас! — ответил Брёйс, — а в саду, я вижу, никого нет?

— Вся семья в домике, — ответила служанка, — кроме юффрау Минтье, она вон там сидит, читает!

Яньше с г-ном Брёйсом как раз вышли на берег, где и вправду посреди узкого газончика под маленьким плакучим кипарисом сидела на зеленой садовой скамейке старшая дочь его друга Делю — в перчатках, с книгой в руке и собачкой у ног, изображая картину «жизнь на лоне природы» и злясь на то, что на той стороне канала совсем не наблюдалось прохожих, а в проплывшей мимо пассажирской барже не было ни одного пассажира.

В ответ на приветствие г-на Брёйса она величаво склонила голову, но в тот же момент собачка вскочила и яростно загавкала на незадачливого юриста, который с удовольствием треснул бы ее своей бамбуковой тростью, но не решился — собака принадлежала дочери его друга, которому он готовил совсем иной сюрприз, а никак не убийство.

<...>

— Спасибо, милочка! — сказал он служанке, когда до домика оставалось с десяток шагов, и на цыпочках двинулся дальше.

К счастью, окна со стороны сада были закрыты ставнями, а дверь оказалась глухой, без стекол, в отличие от большинства летних домиков. Так что г-ну Брёйсу ничто не мешало осуществить задуманное. Ах, сколько радости доставит всем его сюрприз! При этой мысли душа нашего добряка возликовала. Он уже шестнадцать лет не виделся со своим дорогим Чернявым Даном, как в студенческие годы звали Делю в Академии. Каким предстанет он в момент встречи? Рядом с ним — любящая супруга, возле — их цветущие отпрыски! Да, в его черной шевелюре, на висках наверняка появилась серебристые пряди, но в груди все то же сердце, открытое для друзей и дружбы!

От радости, охватившей г-на Брёйса при этой мысли, он не обратил внимания на крики, доносившиеся из домика.

Стараясь ступать как можно тише, он поднялся по ступеням крыльца и открыл дверь с самой радостной улыбкой, которая когда-либо освещала лицо измученного долгими блужданиями и сильно обгоревшего человека.

Ну и картина!

Он увидел мальчугана лет шести, орущего благим матом и топавшего ногами от злости; увидел отца, пунцового от гнева, который, приподнявшись со стула, одной рукой держался за стол, а другой, сжатой в кулак, грозил сыну; увидел мать, бледную от ужаса, пытающуюся уговорить мальчика; увидел мальчика постарше, лет тринадцати, бледного, с кругами под глазами, сидящего за столом, опершись на локти, над книжкой и хохочущего над происходящим, девочку лет пяти, с плачем цепляющуюся за подол матери. Это и были д-р Делю, его любящая супруга и цветущие отпрыски.

— Не буду! — вопил мальчишка, поддавая ногой ближайший к нему стул.

— А ну давай, немедленно! — кричал отец, хрипя от злости, — а то я за себя не ручаюсь!

— Успокойся, Делю! — умоляла мать, — он пойдет, вот увидишь!

— Прошу прощения, мейнёр, — сказал вошедшему д-р Делю, изо всех сил стараясь быть вежливым, — мальчик плохо себя ведет. Через несколько минут я буду к вашим услугам.

Он схватил упрянца за шиворот.

— О Боже, Делю, ты разорвешь всю одежду! — пыталась успокоить мужа госпожа Делю, — он уже идет сам!

— Ну нет, сейчас я с ним разберусь! — закричал доктор и силком потащил за собой упирающегося сына, который, вопреки словам матери не сделал ни шага. Отец выволок его из комнаты и затолкал в чуланчик для торфа, закрыв дверь на задвижку.

— Простите, пожалуйста, мейнёр, я так расстроена, что сама не своя, — в свою очередь обратилась к гостю меврау Делю, и в подтверждение своих слов без сил опустилась на стул. — Думаю, мне нужно выйти на воздух.

— Ну конечно же, меврау, ну конечно! — отвечал лишившийся розовых очков университетский приятель ее супруга.

И меврау вышла на улицу, вместе с цепляющейся за нее всхлипывающей малышкой.

Юный г-н Делю, бледный, с большими кругами под глазами, оставшись с г-ном Брёйсом наедине, принялся беззастенчиво его разглядывать.

— Теперь будет знать, как дразнить соседей! — сказал д-р Делю, вернувшись в комнату и чувствуя потребность объяснить гостю, чем проштрафился его сын, чтобы гость не счел его самого несправедливым и чересчур строгим отцом. — Простите, с кем имею честь?

— Животик! — воскликнул наш добродушный толстяк, с радостной улыбкой на раскрасневшемся лице.

Что же, «животик» — довольно обычное слово, особенно для доктора, который время от времени лечит детей. Но в данном случае из уст данного незнакомца данному врачу это слово показалось несколько неуместным. Д-р Делю разинул рот.

— Животик! — повторил г-н Брёйс.

Д-р Делю решил, что перед ним сумасшедший, а поскольку он только что гневался, то готов был взорваться снова, хотя вообще-то сердился редко и вывести его из равновесия обычно было не легко.

— Что вам угодно, мейнёр?

— Ты что, не помнишь, как, бывало, славно пировал вместе с Животиком?

Г-н Делю, ничего не понимая, пожал плечами.

— Правда, Животик с тех пор порядком увеличился в размерах, так ведь, Чернявый Дан? — сказал толстяк, вставая со стула.

— Брёйс! — воскликнул д-р Даниэл Делю. — Ну конечно, меня все звали Чернявый Дан, а тебя Животик, разве можно забыть! Как ты изменился! Вместе пировали... Еще бы! В харчевне «Полная миска»!

Но чувство студенческого братства быстро его покинуло.

<...>

— Выпустите меня! — орал из чулана мальчишка, колотя ногой в дверь.

— Что тут скажешь, — произнес д-р Делю, — эти дети любят испытывать родительское терпение! У тебя, наверное, нет детей?

— Ни одного, — ответил толстяк, который уже буквально умирал от жажды, — к сожалению, — добавил он со вздохом, хотя, после всего увиденного, сожаления у него отнюдь не прибавилось.

На пороге появилась мать семейства.

— Дорогая, это господин Брёйс! — представил товарища д-р Делю, — о котором я тебе так часто рассказывал.

По выражению лица супруги было видно, что ничего подобного она не напоминает. Но г-жа Делю была чрезвычайно благовопитанная дама.

— Могу ли я предложить господину Брёйсу чашку чая? — произнесла она, доставая из раскошелюга перекошенного буфета чашку с блюдцем в цветочек.

Г-н Брёйс отдал бы все на свете за кружку пива или стакан вина с водой. Изнывая от жары и истекая потом, пил он обжигающий чай.

(Пер. И. Михайловой)

О том, что было дальше, и какими словами дразнил г-на Брёйса, спешно ретирующегося из сада, младший отпрыск доктора Делю, вырвавшись из торфяного чулана, вы можете прочитать на сайте DBNL.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (II):

1. Видели ли вы когда-нибудь традиционные голландские двери, у которых верхняя (bovendeur) и нижняя часть (onderdeur) открываются по отдельности? Если нет, найдите в интернете картинку по ключевому слову onderdeur.
2. Какие картины из жизни городка N, нарисованные Хилдебрандом, были для вас неожиданны?
4. Постарайтесь вспомнить в русской литературе 20–30-х годов XIX века произведения с сюжетом, построенным по схеме рассказов из «Камеры-обскуры», в которых человек здравомыслящий и образованный приезжает в провинциальный город и удивляется местным нравам. Каковы сходства и каковы различия между русскими и нидерландскими произведениями?

На нидерландском языке:

DE MOERBEITOPPEN RUISCHTEN

De moerbeitoppen ruischten;
God ging voorbij;
Neen, niet voorbij, hij toefde;
Hij wist wat ik behoefde,
En sprak tot mij;

Sprak tot mij in de stille,
De stille nacht;
Gedachten, die mij kwelden,
Vervolgden en onstelden,
Verdreef hij zacht.

Hij liet zijn vrede dalen
Op ziel en zin;
'k Voelde in zijn vaderarmen
Mij koestren en beschermen,
En sluimerde in.

De morgen, die mij wekte
Begroette ik blij.
Ik had zo zacht geslapen,
En Gij, mijn Schild en Wapen,
Waaert nog nabij.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (III):

1. Прочитайте стихотворение и найдите в нем минимум две цитаты из Библии (частичная подсказка: см. Вторая книга Царств, 5:24).
2. Сделайте (письменно) подстрочный перевод стихотворения.